

Россия - 2003 - 25 сент. - с. 24, 25

Гармонии Елены Шаниной

Алла Ануфриева, фото из личного архива

Много лет назад маленькая девочка Лена Шанина мечтала танцевать. Однако врачи, обнаружив нехорошее заболевание под названием «порок сердца», запретили ей не только думать о балете, но даже бегать и прыгать: сердце-то следовало побережить. А она, не нарушив запрета, выбрала профессию, во сто крат для сердца опасную – профессию драматической актрисы. И двадцать лет рвала сердце в «Юноне и Авось» – в роли страстной и трепетной испанки Кончиты. И десять лет претерпевала все ужасы войны вместе с хромоногой Миррой («В списках не значился»). А вместе с тем – танцевала, прыгала и пела, жила на пике эмоций, забыв обо всех детских опасениях. Тем же, собственно, народная артистка Елена Юрьевна Шанина собирается заниматься и впредь. Она принадлежит к тому редкому типу женщин, чей блестящий ум не затмевает чувственности, а эмоции не подавляют интеллекта. С нею интересно говорить обо всем.

вторым или третьим, – так уж сложилось в семье. Есть, безусловно, яркие, талантливые мужчины и в моем поколении, но женщины – это чудо!

О жизни вокруг – с тревогой

– Мир, в который вам предстоит вскоре отпустить свою дочь, пугает или радует вас?

– Обстоятельства нашего государства складываются таким образом, что в эту жизнь детей пускать нельзя вообще. Все мое окружение пытается создавать для детей особое, замкнутое пространство. Знаете, как у Вероники Долиной: «кустарными методами создаем себе окружение», оболочку, в которой можно жить. Ведь этот мир по-настоящему опасен! За один только год мне пришлось два раза дверь менять и три раза – замок. Казалось бы, воровать, кроме книг и картин, не представляющих большой ценности, нечего. Но, видимо, мнение такое сложилось по шоу-бизнесу, что все артисты богаты по определению. К счастью, ребята-охранники приехали очень быстро. Однако меня не покидает ощущение, что рядом существует абсолютное зло. Когда постоянно воруют детей и пропадают люди, когда слово «убийство» в новостях звучит так же буднично, как про-

гноз погоды! При этом я вижу вокруг много прекрасных людей и потрясающих, талантливых детей, опережающих свое время. Но я уверена, что все это существует только благодаря собственным усилиям родителей, благодаря тому, что семьи создают свои маленькие миры, оазисы и продумывают в них все – начиная от круга общения ребенка до методов его обучения...

– Но большую жизнь китайской стеной не отгородишь!

– Я же Таню не обманываю! Мы вместе смотрим телевизор, читаем газеты, обсуждаем все опасные ситуации. Но я не пугаю дочь, наоборот, я говорю ей, что надо верить в добро и в то, что хороших людей гораздо больше, чем плохих. А бросать ребенка в эту жизнь, как котенка в реку, просто недопустимо. Особенно девочку. Я посещала, будучи на гастролях в Ереване, колонию для малолетних преступников и знаю: мальчики некоторые еще выбирают «с того света», а девочки – нет, они уже не восстанавливаются.

О публике – с почтением

– Вы много гастролируете по России?

– Теперь уже не так много, как раньше. Коммерческие спектакли, в кото-

рых я участвую, идут на разных площадках Москвы или в крупных, имеющих театральную традицию городах СНГ – в Петербурге, Минске, Киеве, Харькове, Екатеринбурге.

– Вам интересно, как живут нынче в провинции?

– Безусловно, и бывают совершенно неожиданные встречи. Например, я была в Ханты-Мансийске и просто потрясена этим городом! Совершенно европейский городок, утопающий в берегах, вокруг какие-то одержимые люди! Они создали у себя грандиозный центр искусств для талантливых детей, которые там не только занимаются, но и проживают. Там существует даже филиал Музыкального училища имени Гнесиных! Я поняла, как много зависит от хозяина и от людей, его окружающих. Вот стоят рядом два города (не буду называть, чтобы не обижать никого): в одном царят нищета, злоба, грязь, запустение и пьяная молодежь на улицах... а соседний город процветает! И все в нем другое – и работа у людей есть, и деньги есть, и книги здесь читают, и чистота вокруг... Пока что у нас все зависит не от закона, а от личности.

– Мне запомнилось, как Сергей Юрский недавно сказал: «Приходит-ся ежедневно, бесконечно любить зрителя, для того чтобы от него бы-

О возрасте – с любовью

– Вы сами провожаете дочку в школу, а значит, вам приходится рано вставать. Как может вынести такой режим театральная актриса?

– Конечно, как только я родила, у меня поломалось все. Столько лет вставать самое раннее в девять, ложиться в два ночи, а теперь... Встаешь в семь утра с песнями, танцами – и скорее за руль, везти дочку в школу. Ужас, ужас! (Смеется.) Таня пошла в шестой класс, но ей только десять лет, а нагрузки в школе такие огромные, что если я не буду ей помогать, она просто не выдержит.

– Ленком открыл свой новый сезон. Веселое для вас это событие или, скорее, грустное?

– Знаете, я себя чувствую уже раритетом в этом театре, что моих чувств к нему совершенно не умаляет, – так должна была и так повернулась жизнь. Я по-прежнему играю здесь свой любимый спектакль «Две женщины» в постановке Владимира Мирзоева. Играю также коммерческие спектакли: «Коллекцию Пинтера» того же Владимира Мирзоева и спектакль Андрея Максимова «Любовь в двух действиях». А в этом сезоне, надеюсь, будет и еще одна новая работа. Мирзоев подписал на год контракт с Театром имени Станиславского, и, если все будет хорошо, я сыграю в его постановке по пьесе Алексея Арбузова «В этом мире, старом доме». На самом деле это моя идея, и очень давнишняя, но что сделает с таким замечательным ретро-материалом Володя Мирзоев, я предсказать не берусь. Я упростила его дать мне роль бабушки; не пугайтесь: моей родной бабушке, которая живет в Питере, – 92 года, но она еще вполне может станцевать кое-что.

У меня есть ощущение, что старое поколение и сейчас моложе, чем нынешнее. Одно время мне очень нравилось играть совсем юные существа, потому что юность – это экстрим. Так вот старость, как ни странно, тоже находит-

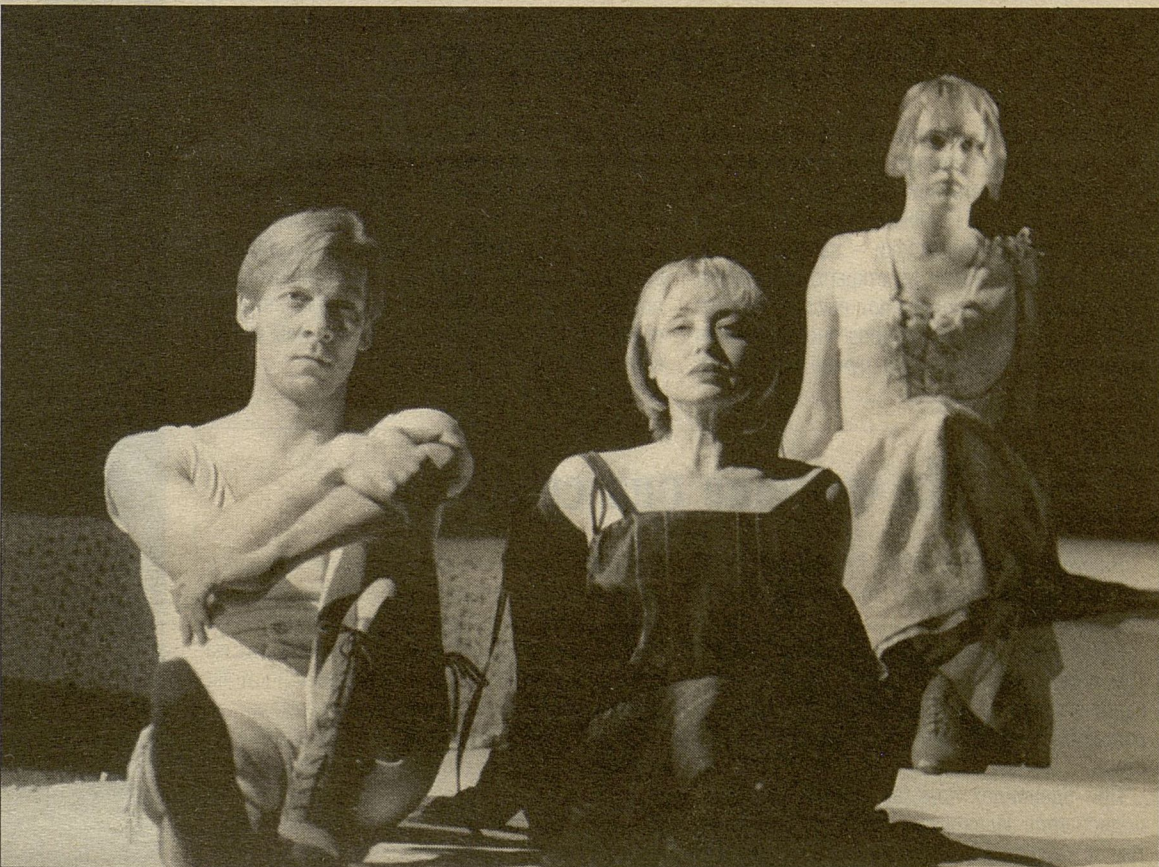
ся на пике жизненных ощущений и еще – мудрости. Вы не замечали, как у питерских или у московских старушек сияют глаза? Это удивительно. И напротив, я вижу порой молодежь с совершенно потухшим взглядом. Кажется, что-то безнадежно утрачено. Дух какой-то утрачен. Все, как маленькие охотники или ищейки, пустились в погоню за добычей. Вот нюх у нынешнего поколения обострился, это точно. Поэтому меня тянет на более взрослые роли, там есть что делать.

– Вы хотите перешагнуть через свой возраст?

– Да, потому что в том драматургическом материале, который меня окружает, мой возраст представлен на редкость однобоко. Как правило, это тетки на излете, озабоченные одним: как бы их муж не бросил. На самом деле это неправда. Как раз огромное количество женщин моего возраста очень активно и разнообразно существуют: занимаются бизнесом, политикой, творчеством. Мне бы очень хотелось сыграть таких женщин – они странные, интересные. Они хорошо выглядят, но для этого им не приходится часами крутиться перед зеркалом, долго продумывая свой внешний вид. Их умение наложить макияж за пару секунд, привести в порядок лицо или руки отработано временем и доведено до автоматизма. Эти женщины полны энергии, потому что не тратят время на ерунду, они вкладывают свои силы в детей, внуков. И в культуру, между прочим, тоже, и в государство. В большинстве своем женщины средних лет сегодня гораздо интереснее многих мужчин-ровесников. С ними есть о чем поговорить.

– Мужчины раньше выбиваются из сил и тускнеют?

– Ну, по-разному. Одни превращаются в таких стареющих ловеласов, которые всячески хорохорятся и очень озабочены тем, чтобы сохранять свое ре- номе, молодость и внешний вид. Другие преждевременно становятся ворчащими стариками, у которых постоянно что-то болит и которые всем недовольны. Кто-то навсегда остается ребенком,

В любимом спектакле «Две женщины»

Шанина Елена
Юрьевна
(популярная)

«Кручусь как белка в колесе, но домашний уют стараюсь создать»

ла отдача». Каковы ваши взаимоотношения с публикой?

— Мне больно режет слух, когда актриса или актер, выходя на сцену, провозглашают всему зрительному залу: «Я люблю вас, мои дорогие!» Особенно это распространено в шоу-бизнесе. Для меня слишком большую ценность имеет слово «люблю». Я люблю очень небольшое количество людей по жизни. Но я хорошо отношусь к большому количеству людей, а главное — я уважаю людей. Сцена — это область отдачи. Ведь я отдаю свои нервы, свое сердце, я страдаю в этот момент, я волнуюсь в этот момент. Евгений Павлович Леонов говорил: «Можно встать на голову, можно сделать три кульбита, можно устроить лазерное шоу, но если ты не будешь рвать свое сердце, ты никому не нужен как актер. И ты будешь одинок».

— А вне сцены, вне спектакля обратная связь со зрителем у вас существует?

— Меня знают очень немногие. Но я иду по Кутузовскому проспекту, на котором живу, и вижу, как мне улыбаются радостно и кивают, словно старой знакомой, а я киваю в ответ и со всеми здороваюсь, как в большой деревне. Кто-то узнает меня как актрису, а кто-то с кем-то путает: «Здравствуйте, вы в 45-ю школу ребенка не водили? Лицо что-то знакомое». — «Нет, не водила, но все равно очень приятно». Вот эта улыбка мне гораздо дороже каких-то дурацких писем или слов.

О любви — серьезно

— Практически все ваши роли — о любви. Со временем понимание этого чувства у вас менялось?

— Все претерпевает редакцию — любое слово, любое чувство: одна минута прошла, и ты чувствуешь уже по-другому. Почему я не люблю читать мемуары? Потому что на самом деле это неправда. Не умышленная. Мемуары — это фиксация одного мгновения, причем фиксация с уже придуманным отношением. Человек рвал сердце, погибал, худел, ему казалось, что жизнь кончена. Проходит каких-нибудь два года, и он говорит с легкой улыбкой: «Был безумно влюблен, чуть не умер. Все мы были молоды». Прежняя реакция исчезла. Но, конечно, вся жизнь строится на любви: прежде всего к родителям, потом — к мужчине, который становится отцом твоего ребенка, потом — к ребенку... Любовь — это и постоянное, безумное беспокойство за близких: как они, что с ними? Эта тревога живет в душе постоянно, словно в сердце твое вселился маленький метроном, который стучит и беспокоит.

И без этого метронома не было бы в жизни ничего. С высоты своих лет я уже философствую... Конечно же, женщина должна терять голову. Потому что если она не влюбится, то она просто не сможет рожать детей, такова ее физиология. Это потом уже она остынет и все поймет, и тогда у нее в сердце останется или уважение, или восхищение, или удивление: «А кто это был?» Но сначала женщина должна влюбиться.

О кухне — обреченно

— Как легко вас представить на сцене или в роли матери, но невозможно представить в роли домохозяйки, прикованной к плите.

— Я не прикована к плите, потому что делаю все быстро, по-спортивному и сразу, ничего не откладывая. Если я встаю из-за стола, то сразу мою тарелки. Если готовлю — то не дольше 20 минут, других рецептов просто не знаю. Я настолько не люблю быт, что делаю все быстро. Но делать-то приходится! Я, например, очень не люблю беспорядок и хочу приходить в чистый и уютный дом, поэтому кручусь как белка в колесе, но уют стараюсь создать. Все-таки от женщины должны исходить уют и тепло.

О сексуальности — удивленно

— В 70-е годы понятий «стильная актриса», «сексуальная актриса» не существовало...

— Не то чтобы не существовало, но они были со знаком «минус», это знало, что у актрисы — «отрицательное» обаяние.

— Сейчас множество молодых актрис более или менее успешно пытаются достичь всего того, чем вы обладали и обладаете, не прикладывая, кажется, никаких усилий...

— Абсолютно никаких усилий я не прикладывала, к сожалению.

— Почему же «к сожалению»?

— Потому что стоило все-таки над собой поработать. Сейчас все вокруг такие сделанные! Я и косолапила, и сутулилась, и носила все черное и на пуговичках. То, что вы говорите, относится, скорее, ко мне на сцене, нежели в жизни. Но я даже не понимаю: как можно говорить о сексуальности применительно к женщине? У нее любовь и чувственность — одно целое, одно и то же. У мужчины это, может быть, как-то и делится...

— Тогда каждая влюбленная женщина — сексуальна?

— Скорее всего, так и есть. Любая женщина сильно преображается влюбляясь.

О театре — радостно, о кино — с улыбкой

— Слава и популярность — вещи переходящие...

— Я — театральная актриса. Я никогда не стремилась к славе. Популярность — это область кино и шоу-бизнеса. А мне всегда нравился процесс, то есть театральный спектакль. В театре ты имеешь успех только у того зрителя, который смотрит сейчас спектакль. Многие даже твою фамилию не запоминают. Какая тут может быть слава? Это только радость творчества.

— Даже на пятисотом представлении?

— Обязательно, а какая разница? Ты выходишь на сцену — и начинается живой процесс. Каждый спектакль уникален, как узор ручной работы.

— И вам никогда не бывает скучно на сцене?

— Никогда! Это вообще, наверное, единственное место, где я чувствую себя абсолютно счастливой!

— Романа с кино так и не случилось?

— Нет. Почему — не знаю. Думаю, меня слишком много для кино. Потом, здесь важно попасть в моду, в стиль времени. Одно время был модным такой тип лица, такая внешность, как у Жени Симоновой, например, чуть позже — как у Тани Догиловой. Я же никогда не ощущала свою внешность модной. Наоборот, помню, как на фильм Светланы Дружининой «Принцесса цирка» меня не утверждали за «западный» тип лица. Короче, внешность совершенно не конъюнктурная.

— Один из любимейших фильмов о войне — «Аты-баты, шли солдаты», где у вас короткая, но пронзительная история любви...

— Я нервничаю очень, когда вижу себя на экране, потому что работу свою уже не могу изменить. А этот фильм связан для меня с потрясающими людьми — Леонидом Быковым и Борисом Васильевым, они для меня — пример невероятного благородства и достоинства.

О себе и семье — философски

— Вы — самодостаточный человек?

— Наверное, так. Я обхожусь без толпы, могу и люблю бывать одна. Но в то же время есть какие-то люди — их становится все меньше и меньше, — без которых мне бы не хотелось быть.

— Вам не кажется, что женщине нынче без мужчины жить легче?

— Нет-нет, я мужчин очень люблю и считаю, что мужчина нужен очень — и как папа, и как друг. Мужчины, наконец, зарабатывают больше, чем женщины у

нас в стране, это очевидно. И главное, среди мужчин много талантливых и даже гениальных людей, с ними интересно. Просто я такой мучительный человек, что не могу идти в каких-то вещах на компромисс. Уважаю свою и чужую свободу. И тогда лучше просто дружить... А может быть, во мне такой код заложен, ведь женщины у меня в роду — и прабабушка, и бабушка — жили одни. Но у них так сложилось исторически: у одной мужа расстреляли, у другой убили... Бывают романы, и вроде бы можно опять выйти замуж, но, видимо, чувство независимости и самодостаточности берет верх. Я избавляю от обязательств. Не люблю, когда мне должны или я — как «крест пудовый». Когда меня любят — ради Бога, но когда мне должны — тут я предпочитаю равное партнерство.

— Возможно, у дочери все будет по-другому?

— Я спокойно к этому отношусь: как будет, так и будет. Пока она читает книжки Астрид Линдгрен и мечтает о таком же большом, как в этих книжках, доме и о муже, о большом количестве детей, кошке и собаке. А здесь у нее — только мама, папа и кошка. Бабушек и дедушек у нас уже давно нет. А я говорю Тане, что прежде всего надо учиться и стать образованной женщиной, потому что мама должна быть интересна всем в своем доме — не только мужу и детям, но даже кошке и собаке. А главное — ей должно быть интересно самой с собой.

— Кажется, вы очень открытый человек — и до сих пор не научились держать удар?

— (Хохочет.) Да, только отползаю. Но я научилась прощать. Это очень большое приобретение. И поняла еще одну вещь: шишки зря не падают. Чаше всего это бывает к лучшему.

— Для многих артистов театр становится «террариумом единомыш-

ленников». В вашем случае этого не произошло?

— Никогда не выношу сор из избы. В нашем театре, как в дипкорпусе, существует атмосфера взаимоуважения и дистанции. Здесь все очень хорошо друг к другу относятся, но при этом очень мало людей, которые садятся за один стол. Конечно, такая нота была задана Захаровым, и это очень верно. Потому что от любви до ненависти, как известно, один шаг. И слишком тесные семейные отношения переходят иногда в отношения панибратские, а потом и глубоко враждебные. Может быть, благодаря этому наш театр и не разрушается так долго.

— На Запад вас никогда не звали работать?

— На каждых гастролях кто-то звал. Но мне было страшно и непонятно все это — уехать на Запад тогда для меня было равно предательству. Я знаю английский язык и, наверное, быстро бы нашлась в той языковой среде. Но я генетически связана с русским словом, я настолько его люблю, люблю русскую литературу, поэзию, что выбор передо мной, по сути, никогда и не стоял. Я люблю рыться в словарях, находить истоки, происхождение слов, — наверное, мне надо было стать лингвистом. Дочка, к счастью, идет по этим стопам, много пишет...

— И об актерском образовании не мечтает?

— Она участвует в каких-то школьных постановках, но я не вижу у нее горячего стремления выйти вперед... А самое главное, я не знаю, чему и у кого она могла бы сейчас научиться. Ушли большие педагоги, и ушли высокие критерии искусства. Остались маленькие островки, но никак не явления. Я очень сильно разочарована тем, что сейчас происходит в театральном искусстве. Но это — отдельный разговор.

Антреприза дает широкие возможности